

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого (1678) эзоповых сюжетов почти полтора десятка, в том числе столь известных, как басня о петухе, нашедшем жемчужное зерно («Клеветник»), о крестьянине и о змее («Мысль злая»), о матери и о сыне-воре («Нос, скушенный отцу»), о крестьянине, завещавшем своим сыновьям якобы зарытый в огороде клад («Завет»), о связке стрел, которую отец предлагает переломить сыновьям («Согласие»), и ряд других, менее популярных.

Но в традиционные схемы Полоцкий вносит новые мотивы, даже перекраивает самые фабулы и, тем более, заключительные истолкования, ловко повертывая их к темам Евангелия и Псалтыри, с символической интерпретацией подчас каждого фабульного мотива. Особенно тут выделяется стихотворение «Труба» по сюжетной канве басни о незадачливом рыболове. Однако приведу прежде самое басню, известную еще в переводе Гозвинского (ГПБ, собр. Погодина, № 1604, лл. 785—785 об.):

О рыболове и свирелех

Рыболов сый неискусен рыболовства, взем свирели, сиречь дуды, и сети, изыде на море и ста на некоем камени, вначале убо заигра во свирели, мя, яко к сладкогласию рыбы приидут послушати и внидут в сети. И тако многое время пребысть играя, не улови ничто же. Посем отложи свирели и взем сети, вложи в воду, многия рыбы пойма и изложи я от сети и, яко узре их скачущих на земли, рече: «О злейшая животная! егда играх вам во свирели, не плясасте, егда же престах играти, сие творите скачущие!».

Толкование: притча ко иже при словесех и времени настоящее и подобающее творящим.

Но в традициях церковной гомилетики — «море» и «невод» могли быть исполнены и теологической символики,⁷ идущей, в частности, от притчи о неводе из Евангелия от Матфея (гл. 13, ст. 47—50):

... подобно царство небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.

У Полоцкого оба сюжета — и басня Эзопа, и евангельская притча — смыкаются, один накладывается на другой и сквозь второй преломляется первый:

Труба

Трубитель некий рыбы ловити хотяше
и пришед на брег реки, надолзе трубяше,
Призывая ко себе, но тыи не идяху,
толко во быстрой воде с собою играху.
Он же восприем мрежу, нача я ловити
и заем, множество их на брег извлачити.
Рыбы же, елма из вод извлеченны бяху,
по обычаю, пред ним от нужды скакаху.
Он рече: престаните прочее скакати,
ибо аз уже престах трубный глас даяти.
В не же время трубих вам, в то вы не скакасте,
но елма ях мрежею, скакати начасте.
Не скаканию время ныне вам дается,

⁷ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 45—53.